

Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 1998

В настоящее время в рамках антропологической / антропоцентрической лингвистики придается большое значение когнитивным исследованиям (см., например, [8; 14; 15; 19, 20; 39; 47]), в которых рассматривается связь слова с реальной действительностью и связь его с индивидуальным сознанием. Отсюда понятен и повышенный интерес исследователей не только к языку как системе, но языку как деятельности и, в частности, к лексике (к деятельностно-лексическому компоненту), принадлежащей и языку-системе, и языку-деятельности, и индивидуальному сознанию (см. в связи с этим [21]). Выяснение соотношения деятельностно-лексического компонента с сознанием является, в свою очередь, не простой задачей, так как требуется — хотя бы в предварительном порядке — определить суть этих феноменов.

Если учитывать, что значение (и значение слова, в том числе) существует в двух формах — языковой / вербальной и предметной [23], причем вербальное значение лишь отсылает к предметному, базирующемуся, в свою очередь, на перцептивном образе и существующем либо как нечто “внешнее” (в языке, в действительности), либо как нечто “внутреннее” (в сознании), а также тот факт, что основной задачей семантических исследований (и, в частности, лексической семантики) является “изучение сигнификативных значений” [47: 49], то оказывается, что изучение *соматологического поля* (поля названий частей человеческого тела) предполагает совмещение и “внешнего”, и “внутреннего”, рассматриваемых как некоторая лингвокогнитивная (интеллектуально-психическая) данность (см. в связи с этим [5; 27; 30; 40; 51]). Иными словами, мы рискуем утверждать, что эта лингвокогнитивная / интеллектуально-психическая данность является данностью обыденного сознания, для которого если и важны денотатные признаки / денотатное значение (о нем см. [47; 15]), то лишь в качестве фоновых ингредиентов объекта, уточняющихся с помощью других “внешне-внутренних” средств вербального и невербального характера (такowymi в нашем случае являются *компаративные* цепочки — *компаративограммы* / *компаративограммы*). Выражаясь еще точнее, мы — вслед за А. А. Залевской — утверждаем, что слово включено во внутренний кон-

текст, который является и перцептивным, и когнитивным, и аффективным, вербальным и невербальным [15], а процесс идентификации слова является сложным процессом считывания всех этих характеристик носителем языка. Попытки объяснения перехода “внешнего” во “внутреннее” и наоборот, собственно, попытки уяснения взаимосвязей между языковой / речевой и неязыковой / неречевой семантикой, между языком и интеллектом были сделаны еще Н. И. Жинкиным [12] и предпринимаются до сих пор — например, в работах Ю. Н. Караулова [17] и О. Л. Каменской [16].

Рассматривая промежуточный язык (язык мысли), или *интравизуализм*, Ю. Н. Караулов полагает, что в него могут быть включены образы, гештальты, схемы / фреймы, двигательные представления и пропозиции, картины и символы, формулы, диаграммы и слова [17: 189-209; 18]. По его мнению, экспликация интравизуализма изотропна, а способы этой экспликации (*интравизуализмы* как ментальная данность) — анизотропны. На наш взгляд, рассматриваемая Ю. Н. Карауловым в качестве первого уровня структуры языковой личности, является рекуррентной сетью, в которой осуществляется челночный переход “внешнего” во “внутреннее” и наоборот. И эта сеть столь же изотропна, сколь и анизотропна. И если тезаурусный (когнитивный, лингвокогнитивный) уровень иерархически-координативен и анизотропен, то не в меньшей мере таковым является и ее третий уровень — мотивационный, управляющий “субъективированной языковой семантикой, т. е. вербально-семантической сетью” [17: 174]. Эта сеть позволяет дешифровать “субъективированные знания о мире, т. е. субъективный тезаурус” [там же], служа указанием на характер интравизуализма (на характер перехода из “внутреннего” во внешнее”) или на то, что Ю. Н. Караулов называет психоглоссами, понимая под ними “некоторый синхронный вариант языкового сознания” и считая, что они существуют в “лексикализованном, органически спаянном со словом факте грамматического строя... или же, наконец, языковом факте, относящемся к потребностно-коммуникативной сфере личности” [17: 160]. Не отрицая целесообразность выделения им трех типов психоглосс (точнее, лингвопсихоглосс) — грамматических, когнитивных и мотивационных [там же], укажем, что психоглоссы существуют, как свидетельствуют результаты наших экспериментов [41], в виде диффузной совокупности, воспринимаемой испытуемыми как нечто целостное и универсально используемое в качестве оценок соматологической карты человеческого тела. Иными словами, и лексикон, и грамматикон, и семантикон, и прагматикон (языковой

личности) являются, прежде всего, расплывчатыми и пересекающимися множествами (см. [17: 91, схема 2]). Их составной частью является и *соматикон* — совокупность соответствующих психоглосс, автообразов, позволяющих личности рассматривать себя, свой витальный и ментальный мир как единое целое. На наш взгляд, именно соматикон и представляет собой такое гиперобразование, на чьи установки “работают” и остальные уровни.

Соображения О. Л. Каменской относительно устройства фрагмента тезауруса личности, согласно которым он может быть представлен в виде номинанта и ассоциатов, составляющих файл [16: 102-105], а также о том, что каждый файл — это сетка отношений, а совокупность всех фрагментов представляет собой гиперфайл, можно также рассматривать как вполне согласующееся с мнением Ю. Н. Караулова о многомерном строении языковой личности. Особенно продуктивным представляется понимание фрагмента тезауруса в виде “запроса” слов, находящихся в некоторой семантической окрестности. Такой “запрос” следует, по-видимому, понимать как процесс перебора психолингвогlossных признаков, сукцессивно “свидетельствующих” о фрагментах глобального смысла окрестности.

По аналогии с семантической окрестностью можно постулировать и существование *соматологической окрестности*. Точнее говоря, разумно предполагать, что соматологическая окрестность входит в семантическую как одно из ответвлений ассоциативной сети. В то же время нет оснований считать, что соматологические лингвопсихогlossы не представлены и на других уровнях языковой личности (но преимущественно на мотивационном, предполагающем ситуационно-операциональное использование критериев-оценок телесной сферы). Все три вида окрестностей: вербально-семантическая, тезаурусная и мотивационная, — а также соматологическая окрестность (при всей “условности” ее выделения) и когнитивны (когнитивно-когнитивны), и культурологичны, причем есть основания утверждать, что оба качества, присущие окрестностям двух сопоставляемых лингвокультурных общностей, имеют различную мощь (находятся в разных измерениях) в силу различий между этническими / национальными средами, ибо этнос, по словам Л. Н. Гумилева, это “коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие — динамичны” [9: 66].

Именно динамичность, а следовательно, вариативность внутренней структуры и стереотипа поведения (собственно, “семных” конфигураций

и того, и другого; см. по этому поводу [43]) и обуславливают лингво-когнитивно-культурологическую специфичность окрестностей, маркеры которой (наряду с универсальными единицами) рассматриваются в работах Ш. Балли и Ф. Боаса, В. Гумбольдта и У. Гудинафа, К. Леви-Стросса, Ч. Осгуда, К. Пайка, Д. Хаймса, Б. Л. Уорфа (об этом см., в частности, [4; 46; 49]). В рамки этих исследований хорошо вписываются работы этнопсихолингвистического характера [10; 29; 37; 42], в которых представлены попытки изучения флуктуаций, возникающих в триаде “язык — этнос — культура”.

На наш взгляд, понятия “бикультурализма” и “культурной интерференции” вряд ли целесообразно использовать в работах *антропологической* ориентации, ибо они указывают на процессы, происходящие в рамках одного этноса. Более удачным представляется предложенное Л. А. Шейманом понятие межэтнокультурной интерференции, под которой понимается “воздействие навыков, сформированных в русле родной национальной культуры реципиента, на восприятие и освоение нового для него иноэтнического явления, индуцирующее реакцию, которая способна осложнить или нарушить межкультурный контакт” [50: 330]. Но это определение мы принимаем со следующими ограничениями: во-первых, считая более корректным говорить об интралингвopsихоглоссной интерференции, и, во-вторых, судя о ее наличии или отсутствии лишь после анализа материала, позволяющего выявить латентно содержащиеся в нем структуры лингвopsихоглоссы или, по крайней мере, *показать* возможность их выявления. Выявление лингвopsихоглоссы и фиксация совпадений и различий между ними и есть, на наш взгляд, тот путь, который позволяет реконструировать языковые / речевые, когнитивные и психологические параметры этнического сознания.

Иными словами, понятие “картина / образ мира” (см. [36: 21]), или понятие субъективного “дубликата” реальности (о возможном и неполном перечне его составляющих см., например, [1; 3; 31; 32; 35; 48], но не [6; 7] В. В. Воробьева, работы которого конъюнктурно ориентированы и по сути, и по иллюстративному материалу: прежнее лингвострановедение, но с обратным знаком) является весьма многослойным и, вопреки мнению Т. В. Цивьян, отнюдь не “сокращенным и упрощенным отображением всей суммы представлений о мире в данной традиции” [48: 5]. Этот образ, скорее всего, лишь фрагмент “суммы знаний”, сложный из-за своей мозаичной противоречивости и турбулентный в силу давления на него вербальных и невербальных инноваций, смещающих (или пытающихся сместить) в нем распределения ядерных и перифери-

ческих компонентов и их оценок. Например, по данным И. В. Рябовой, между русскоязычной и англоязычной бизнеслексикой наблюдаются следующие типы “признаковых” семантических несоответствий: актуализация, акцентуация, аннуляция, глобализация, модификация, новация, пейорация, форсификация, элевация [38: 20-21]. И все-таки, если рассматривать образ мира как оценочность, стремящуюся к тотальности, но варьирующуюся в широких пределах, то он остается, на наш взгляд, стабильными в своих основных параметрах именно за счет того, что можно было бы назвать *соматологическим интегралом (сомоавтообразом)*, являющимся точкой отсчета для всех остальных манифестаций личности.

В то же время такой характер “образа мира” усложняет его изучение за счет того, что он оказывается “размещенным” в сомоавтообразе, причем границы этих двух образов — это градации взаимных переходов, противоречий, совпадений и различий. Именно поэтому наиболее оправданным (доказавшим свою валидность) является использование направленного ассоциативного эксперимента (не исключено использование и других методик, могущих оказаться перспективными; см. о них [33]), позволяющего получить сумму реакций-ответов, хотя и предопределенных в самом общем виде целью опроса, но все-таки в принципе спонтанных и указывающих на узуальные и, по-видимому, глубинные модели вербального поведения носителей языка. Следует учитывать и тот факт, что материалы ассоциативных экспериментов позволяют получать достаточно надежные и нетривиальные выводы (см. [13]), а также наметить пути к решению ряда лингвистических, культурологических и психологических задач (о них см. [18]) и, в частности, к уяснению структуры национального / этнического характера и к описанию личности как противоречивого, но специфически целостного единства (см. [25]).

Особенно важным в этой связи оказывается вопрос о межличностной перцепции (вербальной и невербальной), а именно о том, являются ли ассоциативные портреты авторефлексивными.

Не вдаваясь в обсуждение различий между персонажем / маской / ролью и личностью (я) (см. по этому поводу [26: 260-291]), но учитывая его мнение о том, что представление “об индивидуальной способности, технической ориентации и о типических чертах, биотипологии” [там же: 262] — это “представление о воспитании расы, производящей внутри себя отбор с целью достижения соответствующего эффекта”, “это представление о воспитании того, как смотреть, ходить,

подниматься, спускаться, бегать” [там же], укажем на следующее: в типические черты (в биотипологию) необходимо включать, на наш взгляд, и соматологические маркеры, ибо “то, что мы судим о других по аналогии с собой, подтверждается многочисленными исследованиями, предпринятыми исходя из самых различных методологических установок (см. [Кронбах, 1955; Лири, 1957; Берковец, 1960; Фошбах и Фошбах, 1963; Вернон, 1964; Стотленд, 1964; Стотленд и Кэнон, 1972¹] и др.). Мы не утверждаем, что аналогия с собственной личностью является единственным механизмом познания другого человека. Чем выше умственное развитие и общая культура перципиента, его способность более объективно относиться к другому, отвлекаясь от своих собственных взглядов и оценок, а также чем больше его опыт в познании людей, тем больше, при прочих равных условиях, вероятность того, что он сможет определить не только сходство, но и различия между собой и другим. Но и в этом случае, чтобы лучше понять другого, он вынужден будет неоднократно обращаться для сравнения к собственной личности” [34: 50-51].

Показательно также, что формирование того, что можно было бы назвать “биотипологическим я”, происходит очень рано: «Развитие первого представления о своем “я” связано с овладением ребенком своим телом — возникновением произвольных движений, ходьбой, действием с предметами, приводящими к становлению ребенка как субъекта различных действий. [...] В исследованиях М. М. Лисиной и Н. Авдеевой... показано, что уже в младенчестве, в возрасте 8-12 месяцев, в представлении ребенка о себе на первый план выдвигаются компоненты, связанные с переживаниями себя как субъекта практической деятельности, и на этой основе — субъекта общения со взрослым. По данным А. З. Неверович... и Д. В. Эльконина... при развитии предметных действий происходит их усвоение, отделение действия от предмета, обобщение действия и сравнение его с действиями взрослых. Поощрение самостоятельных действий ребенка и требование все большей самостоятельности приводят к возникновению на третьем году жизни так называемого “личного”, своего действия, что обнаруживается в употреблении личного местоимения “я”» [11: 106].

Отметим также, что предложенное, например, В. А. Лабунской и Н. К. Нитченко разделение вербальных портретов (в них ии. видели такие эмоциональные состояния, как радость, удивление, презрение,

¹ Ссылка на указанные работы является частью приводимой цитаты.

страдание, страх, гнев) на «портреты» мимики лица, «портреты» общих моторных изменений, «портреты», характеризующие вокальные реакции» [22: 85] (см. в связи с этим и другие материалы в [45]), становится обоснованнее и убедительнее, если рассматривать их в качестве под-класса класса **соматологических портретов**. Такой подход позволит, по-видимому, подойти в дальнейшем не только к решению вопроса о «механизмах» распознавания лица, но и всей соматологической карты человеческого тела, а при сопоставлении одной соматологической карты с другой истолковывать различия и совпадения между ними как два процесса прочтения: одно — химерическое (вариантное), другое — «нормальное» (инвариантное): «Если различие в признаках лица между половинами было маленькое, то выбиралось лицо на основе левой половины химеры (фотографий, составленных из правых и левых варьирующихся частей — Ю. С.)... Если различие между половинами было ярко выраженным (например, в одной половине существовал некий «яркий» признак — открытый рот и т. п.), то в зависимости от положения его в правой или в левой половине химеры этот признак или уменьшал, или увеличивал эффект латерализации» [24: 87]. Но, конечно, более реальным представляется истолкование экспериментальных результатов в качестве свидетельств существования этнической (в нашем случае — **соматологической**) **дистанции**, о которой писал А. К. Байбурин: «... в первом случае при совпадении места основных элементов (комбинаторики опыта — Ю. С.) несовпадающие начинают выражать «специфику чужого»; во втором — при несовпадении места большинства элементов «спецификой чужого» является как раз наличие «своего» на совершенно непривычном месте... чем меньше этническая дистанция (например, русские и украинцы), тем более существенны различия между сопоставляемыми однопорядковыми явлениями, и наоборот, чем больше этническая дистанция (например, поляки и японцы), тем более значимыми оказываются совпадения» [2: 42].

Перед тем, как привести примеры, подтверждающие если не все, то некоторые из наших утверждений, укажем на следующее: мы делим сравнения на **артефактные**, **натуромерные** и **антропомерные** (соответственно: АртС, НатС и АнтС), опираясь на принцип, который можно было бы назвать принципом **прозрачности прототипа** «вещей» (событий, агентов и объектов; см. в связи с этим [28]): артефактные «вещи» создаются в некоторой ноогенной среде (волятся как «вещи»), натуромерные — принадлежат биотопической (биоценотипической) среде, а

антропомерные — отсылают к человеку как к абсолютной экзогенной или эндогенной точке отсчета.

В частности, со словом “*глаза*” русские совмещают двенадцать прилагательных-оценок (против шести японских; индекс конкретизированности / индекс **вербальной аттрактивности** (мера фокуса внимания) русских оценок в два раза выше японских): *большие* (71/91)², *красивые* (25/90), *черные* (72/93), *темные* (71/91), *огромные* (90/117), *круглые* (86/134), *светлые* (72/118), *блестящие* (54/84), *ясные* ((75/96), *ласковые* (36/62), *умные* (79/85), *выразительные* (45/104).

Оценок, совпадающих с японскими, — четыре: *большие*, *красивые*, *черные* и *круглые*. В русском списке наряду с прилагательным “*черные*” представлен и его **мейозотический вариант** “*темные*”.

Эти двенадцать прилагательных-оценок провоцируют появление цепочек сравнений такого характера: *глаза большие, как озера* (23 р.³), *как у совы* (9 р.-слаборелевантных), *красивые, как цветок, как у любимой* (по 5 слаборелевантных реакций; остальные реакции — свехслаборелевантны), *черные, как у цыгана* (19 р.), *как ночь, уголь* (по 18 р.), *темные, как ночь* (34 р.), *омут* (10 р.), *вишни* (6 р. — слаборелевантных), *огромные, как озера* (13 р.), *как у совы, у коровы* (по 13 р.), *как блюдце* (12 р.), *круглые, как блюдце* (11 р.), *как у совы* (10 р.), *как пуговицы* (9 р. — слаборелевантных), *светлые, как небо* (16 р.), *вода, озера* (по 5 слаборелевантных реакций), *блестящие, как звезды* (9 р. слаборелевантных), *как у наркомана* (8 р. — слаборелевантных), *как огонь* (7 р. — слаборелевантных), *ясные, как небо* (28 р.), *озеро* (10 р.), *день* (8 р. — слаборелевантных), *ласковые, как у мамы* (13 р.), *у матери* (56 р. — слаборелевантных), *умные, как у собаки* (53 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *выразительные, как у актера* (7 р. — слаборелевантных; остальные — сверхслаборелевантны).

Русская **компарациограмма / компаративограмма**: 1. НатС (23); 2. НатС и АнтС (слаборелевантные и сверхслаборелевантные); 3. АнтС (18) и НатС (36 р.); 4. НатС (44); 5. НатС (39) и АртС (12); 6. АртС (11) и НатС (10); 7. НатС (16); 8. НатС и АнтС (слаборелевантные); 9. НатС (38); 10. АнтС (13); 11. НатС (53); 12. АнтС (слаборелевантные и сверхслаборелевантные).

Японская **компарациограмма / компаративограмма**: 1. АртС и НатС (слаборелевантные); 2. НатС (31); 3. НатС (13); 4. АртС (30) и

² В числителе указано число конкретных реакций на слово (в данном случае “*глаза*”), в знаменателе — общее количество реакций на это слово.

³ Обозначение “р.” кодирует слово “реации”, например: 23 р. = 23 реакции.

НатС (16); 5. АртС (22) и НатС (11); 6. АртС (19) и НатС (слаборелевантные).

Таким образом, русские ориентируются преимущественно на **натуромерную** сопоставительную тактику (259). Две другие тактики — **артефактная** (33 р.) и **антропомерная** (31 р.) — являются для них фоновыми. Японцы также используют **натуромерную** тактику (71 р.), сочетая ее с **артефактной** (71 р.), но отказываясь от **антропомерной**. В целом тактика русских является натуромерно-артефактно-антропомерной, а японцев — натуромерно-артефактной, причем сила ориентации на натуромерность значительно выше (почти в четыре раза) у русских.

Со словом-стимулом “зубы” русские соотносят двенадцать прилагательных-оценок (против четырех японских; индекс конкретизированности русских оценок в три раза выше японских): *красные* (76/122), *толстые* (52/82), *тонкие* (54/72), *мягкие* (64/83), *большие* (32/60), *маленькие* (40/65), *широкие* (45/62), *узкие* (68/124), *полные* (50/70), *красивые* (37/90), *нежные* (56/71), *выразительные* (20/51). Общими для русских и японцев являются первые четыре оценки. К вышеуказанным прилагательным русские подбирают следующие оценки: *зубы красные, как мак* (13 р.), *малина* (9 р. — слаборелевантных), *толстые, как у негра* (13 р.; остальные реакции слаборелевантны), *тонкие, как нить* (14 р.), *ниточки* (9 р. — слаборелевантных), *мягкие, как вата* (18 р.), *подушка* (12 р.), *большие, как у негра* (20 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *маленькие, как у ребенка* (11 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *широкие, как у негра* (31 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *узкие, как полоска* (11 р.), *нитка* (10 р.), *полные, как у негра* (30 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *красивые, как роза* (6 р.), *цветок* (5 р. сверхслаборелевантных), *нежные, как у любимого* (9 р.), *у девушки* (8 р.), *как лепестки роз* (8 р.; все эти реакции слаборелевантны), *выразительные, как картина* (5 р.), *как у актрисы* (3 р.; все эти реакции сверхслаборелевантны).

Русская **компарациограмма / компаративограмма**: 1. НатС (13); 2. АнтС (31); 3. АртС (14); 4. АртС (30); 5. АнтС (20); 6. АнтС (11); 7. АнтС (31); 8. АртС (21); 9. АнтС (30); 10. НатС (сверхслаборелевантные); 11. АнтС (слаборелевантные); 12. АнтС (слаборелевантные).

Японская **компарациограмма / компаративограмма**: 1. АнтС (но возможно их истолкование и как НатС, что позволяет считать их **амбиориентированными**) (48) и НатС (53); 2. НатС (80); 3. АртС (29); 4. АртС (46).

Таким образом, русские используют для характеристики “зуб” 65 артефактных сравнений, 13 — натуромерных и 123 антропомерных сравнения. Японцы используют 123 артефактных сравнения, 133 — натуромерных и не используют антропомерных. Русская сопоставительная тактика является преимущественно *антропомерной*, а японская — преимущественно *натуромерно-артефактной*.

Иными словами, каждая из двух приведенных выше *компарациграмм / компаративограмм* указывает на *соматологическую идиому* (см. в связи с этим [44]), структурированную специфическим образом.

Л и т е р а т у р а

- [1] Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992.
- [2] Байбурун А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2.
- [3] Базылев В. П. Язык — ритуал — миф. М., 1994.
- [4] Брутян Г. А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. 1973. № 1.
- [5] Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
- [6] Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996.
- [7] Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- [8] Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // НЗЛ. Вып. XXIII. М., 1988.
- [9] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Звено между природной средой и обществом. Вып. 1. М., 1979.
- [10] Дмитриук Н. В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- [11] Есенина Е. И. Семантические особенности средств дословной коммуникации глухих детей раннего возраста в сравнении со слышащими // Психолингвистические проблемы семантики. Калинин, 1990.
- [12] Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- [13] Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
- [14] Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- [15] Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и функционирование. Тверь, 1992.
- [16] Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
- [17] Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [18] Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. М., 1994.
- [19] Касевич В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность. // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
- [20] Касевич В. Б. Язык и знания // Язык и структуры знания. М., 1990.
- [21] Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. М., 1992.
- [22] Лабунская В. А., Нитченко А. К. Вербальный анализ экспрессии как один из уровней распознавания // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 4. - 128 с. ISBN 5-7552-01-11-0

- [23] *Леонтьев А. А.* Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- [24] *Лестсепп Х., Вальсенер Я. О* взаимовлиянии гемисферической латерализации и признаков лица в распознавании выражений лица // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.
- [25] *Лурия А. Р.* Романтическое эссе. М., 1996.
- [26] *Мосс М.* Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- [27] *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981.
- [28] *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М., 1996.
- [29] *Пацева М. А.* К проблеме национально-культурной специфики значения слова (на материале русского и болгарского языков): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- [30] *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1983.
- [31] *Понимание менталитета и текста.* Тверь, 1983.
- [32] *Понятие судьбы в контексте разных культур.* М., 1994.
- [33] *Растов Ю. В., Трофимова Р. А.* Конфликтология. Барнаул, 1995.
- [34] *Розен Г. Я.* Влияние представления о себе на формирование представления о личности другого // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.
- [35] *Романов В. Н.* Историческое развитие культуры. М., 1991.
- [36] *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.* М., 1988.
- [37] *Рыжков В. Н.* Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- [38] *Рябова В. И.* Национально-культурная специфика заимствований лексики (на материале экономической лексики русского языка): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- [39] *Сильдмяэ И.* Знания (когнитология). Таллин, 1987.
- [40] *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология. М., 1996.
- [41] *Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- [42] *Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- [43] *Стернин И. А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
- [44] *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- [45] *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга (тезисы докладов).* Краснодар, 1975.
- [46] *Фрумкина Р. М.* Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в современной лингвистике). М., 1980.
- [47] *Фрумкина Р. М.* Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- [48] *Цивьян Т. В.* Лингвистическая модель балканской модели мира. М., 1990.
- [49] *Швейцер А. Д.* Некоторые аспекты проблемы "язык — культура" в освещении зарубежных лингвистов и социологов // Национальный язык и национальная культура. М., 1978. С. 143-161.
- [50] *Шейман Л. А.* К проблеме межэтнокультурной интерференции // X Всесоюз. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991. С. 330-331.
- [51] *Шмелев А. Г.* Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.